

Татьяна 100 Рожева

Света есть!

*Часть сборника
Мужской стриптиз (сборник)*

Татьяна 100 Рожева

Света есть!

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8708993

Аннотация

«Две лысых тефтельки в оспинках риса сиротливо жались друг к другу. Это были, наверное, два брата. Туманным осенним утром они выдвинулись по грибы, но младший, слегка приплюснутый, шумно загребал ногой, и их услышал повар, бродящий неподалеку в поисках отдохновения. Или нет, это пара влюбленных, у которых таки получилось умереть в один день. В погожий октябрьский денек, когда бордовым от желаний листьям хочется унести подальше, а двум влюбленным тефтелям слиться в одну большую тефтелину и замереть от счастья...»

Содержание

1	5
2	10
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Татьяна 100 Рожева

Света есть!

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

– Слушаю вас. Что будете кушать? – Тетка раздатчица напоминала матрешку – железнодорожника. Обеденное время заканчивалось, а поезд из подносов все громыхал на стыках вдоль ее отполированных боков. Мой поднос с одинокой вилкой подъехал к вареным крабам теткиных ручищ. Голодная ассоциация....

– Рыба еще осталась? Здрасьте! – Бодро поинтересовалась я.

– Рыба по-гусарски закончилась. Тефтели, бефстроганов и солянка, – устало перечислила тетка и шевельнула клешнями.

– По-гусарски – это как? С лихо закрученными костями? – Пошутила я и запнулась. Идиотская манера шутить в самых неподходящих ситуациях...

Матрешка взялась за половник.

– Возьмите тефтели.

– А они из чего?

– Хорошие.

– Ну, давайте...

– Хлеба надо?

– Лучше зрелищ, – снова сморозила я. Вот тупица...

Две лысых тефтельки в оспинках риса сиротливо жались

друг к другу. Это были, наверное, два брата. Туманным осенним утром они выдвинулись по грибы, но младший, слегка приплюснутый, шумно загребал ногой, и их услышал повар, бродящий неподалеку в поисках отдохновения. Или нет, это пара влюбленных, у которых таки получилось умереть в один день. В погожий октябрьский денек, когда бордовым от желаний листьям хочется унести подальше, а двум влюбленным тефтелькам слиться в одну большую тефтелину и замереть от счастья...

– Приятного аппетита! К вам можно присесть? – Дама в зеленой шали нависла над моими лирическими раздумьями шерстяной тучей. Любезно улыбаясь, она уже тащила к себе за спинку упирающийся стул.

– Спасибо. Конечно.

– Благодарю вас. Татьяна, если не ошибаюсь?

– Да.

– Очень приятно. Меня зовут Остроконечная Алла Павловна. Мне сказали, что теперь Вы будете заниматься нашим журналом.

– По мере сил.

– Ой, как хорошо! Вы такая молодая!

– Спасибо. Вы тоже прекрасно выглядите.

– Да ну что вы! – Алла Павловна кокетливо взмахнула вязаными крыльями. – А сколько вам лет, если не секрет? Это, конечно, не принято спрашивать, но между нами?

– Между нами – сорок с хвостиком. Но хвостик совсем еще небольшой, – зачем-то уточнила я.

Остроконечная резко вскинула нарисованные брови, но до фамилии не дотянула.

– Что вы говорите! А я вас совсем ненамного старше! Но вы чудесно выглядите, просто чудесно!

– Спасибо.

– Мне сказали, что вы журналистка! Это правда?

– Чистая правда.

– Ну, замечательно. Наконец-то наш журнал попал в руки профессионала! А я все не никак не могла вас застать! Как ни соберусь к вам зайти, вас почему-то нет.

– Это странно, Алла Павловна. Я стараюсь держаться в кабинете. Вон он здесь рядом, 222 комната.

– 222? Ну, возможно, я до вас не доходила, – заулыбалась дама, обнаружив слева приветливый золотой зуб.

– Мне только сегодня утром повесили на дверь опознавательную табличку. – Объяснила я. – Раньше ее не было. Раньше была только бумажка. А что за вопрос у вас?

– Да собственно, я по поводу своей статьи. Видите ли, моя тема – патриотическое воспитание молодежи, и где-то месяца три назад я сдала статью вашему предшественнику. Вот хотелось бы знать ее судьбу, ну и сроки, когда она увидит свет, так сказать. Она мне нужна к защите, к декабрю.

– Я сегодня же постараюсь ее найти.

– Как хорошо, что вы к нам пришли, Татьяна! Вы же, на-

верно, не знаете, с этим журналом всегда была такая неразбериха. Здесь вообще такое творится! Вы себе не представляете!

– Вы не волнуйтесь, Алла Павловна, надеюсь, ваша статья никуда не делась. Все, что осталось от моего предшественника, лежит в кабинете, в шкафу. Вы уже обедали?

– Ой, да что вы! Какой обед! Разве я могу себе позволить такую дороговизну! Знаете, какая зарплата у старшего научного сотрудника без пяти минут кандидата наук! Слезы одни! Я из дома приношу кое-что, здесь только иногда пирожки покупаю к чаю. Кстати, заходите к нам на чай в отдел патриотического воспитания, 358 комната. Будем очень рады!

– Спасибо. Обязательно.

– Так вы не забудете посмотреть мою статью? Я уж точно не помню, как я ее назвала, но по фамилии найдете. У меня запоминающаяся фамилия! – Напомнила Остроконечная и вся даже немного заострилась.

– Конечно, конечно! – Закивала я, сглотив тефтелину. – Только допью компот. Сегодня вот позволила себе. Из сухофруктов.

– Кушайте, кушайте! – Алла Павловна еще раз сверкнула зубом, запахнулась шалью, и зеленым клубком покатилась к выходу. Откормленная герань того же цвета в кадках вдоль стен сыто кивала ей в след, принимая за свою или, может, кланялась без пяти минут кандидату наук...

Компот из растерзанных останков кураги и изюма смысл воспоминания о двух влюбленных тефтелях. Изюм есть в каждой женщине. А курага не в каждой. Во мне теперь была. Желудок наполнила приятная тяжесть. Вокруг плавали фразы о необходимости проведения семинара, приоритете какой-то парадигмы и недоплате суточных. Я почувствовала, что сейчас засну, плавающие фразы раскачивались в такт колыбельной. Колыбельной для ответственного секретаря научного журнала. Когда бородатый академик в галстук цвета винегрета, пропел: «па-ра-диии-гма» на мелодию «гла-зки за-кры-вай», я, сморгнув тяжелыми веками, заставила себя встать и выйти из столовой сквозь строй откормленной герани. Она даже не шелохнулась. Вот растение!

2

Табличка «Редакция журнала» и моя фамилия на дверях 222 кабинета радовала глаз, но не мешала им обоим слипаться. В сонном кабинете два бордовых дерматиновых дивана бессовестно звали прилечь. Один диван здесь был до меня, а второй припер на себе завхоз Витя, надеясь на взаимность.

Мелкий нудный дождик превращал здание за окном в клетчатую подушку с размытыми углами. Нет, это издевательство! Надо срочно взбодриться! Раздирая глаза, я принялась пересматривать содержимое огромного шкафа с бумагами, оставшимися от моего предшественника, чтобы отыскать научный труд мадам Остроконечной. Но уже десятая фраза из серии: «патриотические ценностные ориентации старшего школьника это совокупность основанных на патриотических ценностях и идеалах установок и убеждений личности, определяющих ее направленность на социально значимое поведение и деятельность и являющихся базой нравственного и гражданского самоопределения старшего школьника...» окончательно победила мои слабые попытки побороть здоровый сон. Влюбленные тефтельки внутри и тяжелые веки снаружи дружно склеивали реальность, собираясь просмотреть цветной широкоформатный сон в рабочее время. Возможно даже, с эротическими сценами и погоней. И еще этот дождик... Тук-тук-тук-тук...

Вежливый, но настойчивый стук в дверь кабинета определено звучал по эту сторону сознания. Еще раз. И еще раз. Усилием воли я перекроила ослобившееся лицо в заинтересованное и ответила вполне бодро:

– Да! Войдите!

Дверь приоткрылась. В комнате появился мужчина. Лет пятидесяти. Незнакомый. Симпатичный. Он вошел и огляделся по сторонам, словно что-то искал. Пружинистая походка и быстрые движения выдавали в нем спортивное прошлое, вельветовые туфли научное настоящее, а волнение в голубых глазах и темно-синий галстук – штормовое будущее...

– Извините, – улыбнувшись, произнес он. – Добрый день! А у вас тоже света нет?

– Добрый день. Что значит «тоже»? До обеда был! Компьютер, во всяком случае, работал. – Я взглянула на монитор. Вместо разбегающейся Вселенной он показывал черную дыру в серой раме. – Да, действительно.... Нет.... А что случилось?

– Что-то там на стройке, которая тут у нас под боком. Говорят, кабель перебили. Раскопают вечно не по делу, специалисты...

– Это надолго, не знаете?

– Да кто его знает, – мужчина продвинулся вглубь кабинета, хотя тема была уже исчерпана. – Владимир Николаевич

меня зовут. Наша контора тут арендует соседнее с вами крыло. А вы недавно работаете? Я вас здесь раньше не видел.

– Да, недавно. Татьяна. Можно без отчества.

– Очень приятно. Меня тоже можно, даже нужно! А я вот зашел узнать, только у нас света нет или у вас тоже.

– У нас тоже, как мы с вами выяснили, – подтвердила я уже установленный факт.

Мужчина продолжал стоять посреди кабинета.

– Вы, наверное, сейчас пойдете домой? – Неожиданно поинтересовался он. – Ваше руководство, кстати, в темноте уже сделало ноги. Я только что наткнулся на вашего директора на лестнице. Лифт то не работает. Все по стеночке, пешкодралом.

– Домой? Нет, не пойду. Я жду человека. Мы договорились на пять, а телефон в компьютере записан, как-то я не догадалась записать его на менее прогрессивный носитель. Предупредить не смогу. Придется ждать...

– А вы знаете, Татьяна, это судьба! – Оживился гость.

– Что вы называете судьбой, Владимир? Несчастный случай на стройке?

Вместо ответа мужчина предвкушено прищурился, плеснув из глаз голубой волной через край коротких темных ресниц.

«А ведь тот еще кобель», – оценила я.

– Вы очень привлекательная женщина, Татьяна. – Проговорил он. – И не подумайте, что это комплимент, это просто

выражение моего восторга.

При слове «восторга» он по-рыбацки развел руками, продемонстрировав вполне приличный пресс под светлой рубашкой и две не параллельные линии подтяжек.

– Спасибо. А комплимент когда? – Игриво подхватила я. Мадам Флирт работала у меня всегда на автопилоте, не задаваясь вопросом «нафига?». Еще одна идиотская манера. Итого, уже две.

На лице Владимира нарисовалась довольная улыбка, взятая в кавычки двумя чудными ямочками.

– Я недавно вернулся из Лилля. – Произнес он. – Вам что-то говорит это название, кроме того, что это где-то во Франции?

– Лиль – промышленный город на севере Франции. Что-то такое помню из школы.

– Лилль – очень красивый, научный и студенческий город, в котором я себя чувствую уже почти как дома. И поэтому в качестве комплимента я бы предложил Вам бутылочку бордо Chateau Talmont урожая 2003 года. Она через пять минут будет у вас!

– Пьянство на рабочем месте? Во что вы меня втягиваете, Владимир? Куда смотрит ваше руководство?

– Ну, во-первых, хорошее вино и пьянство – две большие разницы как говорят в Одессе. Во-вторых, вам все равно сидеть здесь до пяти, а в хорошей компании, к коей я себя скромно причисляю, это приятней, во-вторых, я сам ру-

ководство. И потом, вы не находите, что это так романтично, посреди вышедшей из строя цивилизации, два человека, мужчина и женщина, которые еще пятнадцать минут назад не подозревали о существовании друг друга, просто разговаривают, просто пьют вино из той страны, где любить также естественно, как дышать...

– Вы два раза сказали «во-вторых», Владимир...

– Да? Я не заметил. Ваши прекрасные глаза сбили меня с верного счета....

«Нет, он не кобель, он просто таки кобелино!» – С восхищением подумала я. Профессионализм в любой области деятельности всегда вызывал во мне острый приступ этого чувства. Мне вдруг ужасно захотелось разобрать эту игрушку под названием «Владимир Николаевич» на части, узнать, что у нее внутри, под потерявшими параллельность подтяжками и голубыми глазами, обещающими шторм.

– Уговорили. Несите ваш деликатес! – Томно согласилась я, и гость, улыбнувшись, метнулся в темноту открытой двери.

– О! Мадам! Одна нога здесь, вторая через минуту снова здесь!

Сладковатый парфюм спортивно-научного работника в удивлении постоял в воздухе и тронулся вместе со мной к открытому шкафу. Нужно же накрыть стол к возвращению

гостя. Две чашки с нарисованными земляничками снаружи и желтыми разводами внутри – все емкости, имевшиеся в пахнущем научной пылью шкафу под элитный алкоголь. Не соответствует, конечно, но я как-то не рассчитывала... С другой стороны, в моем кабинете со следами от бывших картинок на обоях и шкафом, стоящем одной культей на «Справочнике редактора» 1956 года, – выпендриваться вообще не имело смысла. Однако же, чашки я пошла мыть, размышляя, возьмет ли мыло «дуру» желтые разводы...

3

Владимир вернулся через несколько минут с пакетом подмышкой и радостным лицом.

– Татьян! А вы знаете, что в вашем крыле остались только мы с вами? Все уже смылись! Вот работнички!

– И столовая закрылась? Они же там обычно до четырех пересчитывают пропавшие ложки.

– Нет, в столовой еще есть жизнь. Буфет, во всяком случае, работает. Там женщина с такими красными руками, как из кипятка достала, Нина, кажется, ее зовут, или Тоня? Я их путаю. Вот даже конфет купил и пирожки. Последние! Не спросил только с чем.

– Надеюсь, не с крабовым мясом, – вспомнила я ручищи раздатчицы. – Хорошо бы, с рыбой... Она на мне сегодня закончилась, и мои мозги скучают по фосфору.

– Я бы этого не сказал, судя по вашему острому язычку, Татьяночка! А какая рыба, по-вашему, идет под красное вино? – Хитро спросил Владимир.

– У меня – любая. Хоть по-гусарски...

– Любая?!? Тогда я снимаю с себя всякую ответственность за соблюдение правил французского ужина! – Изобразив непримиримость, Владимир окопался на дерматиновом диване, широко расставив ноги. – А что касаемо рыбы, знаете, за неделю до отъезда в Лилль, я был в Партените, это

южный берег Крыма, так вот там мне очень понравилась жареная сайда, если официанты не наврали название.

– В Крыму? Думаю, наврали...

Владимир засмеялся и принялся выставлять содержимое пакета на журнальный столик с инвентарным номером на левой задней ноге. Не успела я поразмышлять, какую его ногу считать левой задней, как мы с гостем оказались одной ногой в уютном кафе. Земляничный узор чашек гармонировал с благородной зеленью бутылки Chateau Talmont урожая 2003 года, пирожки невыясненного содержания оттеняли ее аристократизм, а готовые раздеться и отдаться конфеты добавляли романтизма. Я устроилась на том же диванчике, на целомудренном расстоянии от широко расставленных ног мужчины.

– Погода располагает..., – кивнул он на окно, вышитое бисером капель.

Я повернула голову. Дождь набрал полное небо серого воздуха перед следующим приступом. Потный от натуги клен держал растопыренными ветками стекло в оконной раме. С веток капало, и стекло чуть подрагивало. Погода и правда располагала...

– Кабинетик у вас уютный, – продолжил Владимир. – Ремонт, конечно, не помешал бы, но так, подальше от начальства поближе к буфету. Хорошо. И стол крепкий. – Он покачал рукой край стола и заговорщицки взглянул мне в глаза.

– Это вы сейчас о чем, Владимир? – Наивно поинтересовалась я.

– О том, что с вами, Танечка, хочется не только поужинать, но и позавтракать. – Он сделал опытную паузу и продолжил. – Скажем, перепелиными яйцами, геркулесом с малиной, бутербродами с мягким французским сыром с травами, клубничным джемом, в котором ягодки почти целиком... А чашечку кофе, конечно, тебе в постель...

– О! Да за такой завтрак, я отдала бы даром воспоминания о девичьей чести, – кокетничала я, пропустив переход на «ты».

– Ммммм... Даже и не знаю, стоит ли говорить об обеде?

– Стоит, стоит! Воспоминаний о моей девичьей чести хватит на регулярное трехразовое питание.

– Так долго отдавала честь?

– Отдала быстро, вспоминала долго. Ну, так что там с обедом?

– Ну, положим, фуа-гра с инжировым соусом или паштет, луковый суп с плавающей греночкой, на которой плавится сыр... Ммм...

– Вкусно!

– Любишь вкусное? – Владимир сжал бутылку Chateau Talmont урожая 2003 года в руке, словно сдерживал бутылочную эрекцию и еще раз посмотрел мне в глаза.

– Люблю, – честно ответила я. Неплохо было бы еще покраснеть, хотя в сером свете эта отрыжка девственности все

равно пропала бы неоцененной.

– А ты? Вкусная? – Он уже разливал вино по земляничным чашкам, сверля меня проникновенным взглядом опытного самца.

«О! Тепленькая пошла», – подумала я и томно ответила:

– Смотря, что ты любишь.

– Теплую водку и потных женщин – не люблю, но потных от секса со мной – очень даже!

Нет, это мы слишком быстро поскакали с нашим конем на подтяжках: в дело уже пошли шутки прошлого века. Я посмотрела на его животик, так удачно прикидывавшийся прессом, и ниже, где через брюки просматривалась несимметрично упакованная пара яичек.

– Смотри мне в глаза, – усмехнулся он.

Я почувствовала на спине несколько несанкционированных мурашек. Этого еще не хватало!

– И много ли потных француженок осталось лежать под Бородино, то есть под Лилем? – Бестактность моего вопроса призвана была проткнуть надувающийся пузырь возбуждения.

– Да я тебя умоляю, Танюш! Какие француженки! Если бы ты приехала туда и посмотрела на весь этот ужас на улицах, в одежде, лицах, фигурах, тебе бы стало меня по-настоящему жалко.

– Это что же, распиаренные француженки так уж плохи?

– Вот именно что распиаренные... Я специально искал

«настоящих француженок». Видел несколько раз – фигурка, прическа, походка, ножки в туфельках – все супер, глаз оторвать не мог! Но в основном, это дамы за 50 или около того и их совсем мало в толпе арабов и прочей приезжей бесформенной массы. Так что безнадега жуткая там в этом смысле, особенно после наших баб. Так тоскливо иногда становится. Я, представляешь, как-то даже от тоски купил себе резиновую бабу... попользовал разок и выбросил на помойку... Ты бы знала, какая она противная...

– А почему не проститутку? Хоть живая. Разве не лучше?

– Может, и лучше. И даже дешевле. Но меня никогда не вдохновлял продажный секс.

– А подружки?

– Была одна. Португалка. Но вдохновение меня покинуло, когда она на коленях стала замуж за меня проситься...

– Ух, ты! – Впечатлилась я. – Интересно, чем её так покорило мало бюджетный российский ученый?

Я чувствовала себя дояркой, подставившей ведро своего любопытства под струю откровений самца с лучшей потенцией в стаде. Он слегка откашлялся, в голосе появился густо-синий бархат, а в глазах поволока. Сейчас будут стихи, – догадалась я и не ошиблась...

– Когда венецианский дож сказал ей: дашь или не дашь? Она почувствовала дрожь, потом превозмогла мандраж.

Она тирану уступила, он был настойчив, как таран,
Он был вынослив, как стропила, и ей понравился тиран.
А было время Возрождения, народ был гол и не обут,
но ведь теряешь убеждения в момент, когда тебя ебут...

Прошу прощения за глагол, но из песни слов не выкинешь, как говорится.

Что-то в нем действительно влекло и щекотало. Грамота «за достижения в области оргазма» явственно прочитывалась на его спортивно-научном лбу. Непременно в золотой раме, с проволочной петелькой для гвоздя и рухнувшим забором подписи главного члена.

– А мне это кажется несправедливым! – Вдохновившись прозвучавшим глаголом, высказалась я.

– Что именно, Танюш?

– Мужчина с хорошей потенцией считается явлением со всех сторон положительным. Здоровьем, стало быть, пышет, ориентация устойчивая, и даже если есть пара минусов, так это тоже плюс. Все его хотят, а некоторые гражданки даже на коленях просят замуж. Женщину же с аналогичными душевными качествами как только не обзовут. И где, спрашивается, обещанное равенство и блядство? – Меня явно занесло, но тема в стенах, я бы даже сказала «в застенках» научного учреждения звучала особенно свежо и неизбито.

Лицо гостя сделалось задумчивым. После таких слов надо было или валить меня на крепкий стол с инвентарным но-

мером на левой задней ноге, соответствуя грамоте в раме, или, как ни в чем не бывало, продолжать приличную беседу. Осторожный Владимир выбрал второе. И компот. И правильно. Опыт не пропьешь...

– Если ты подумала, что у меня все время стоит – таки нет! Такое – это уже болезнь приапизм называется, если память не изменяет. А я – здоров. А что касается хронически желанной женщины, то только такие и есть нормальные женщины! И если у них по тем или иным причинам нет душевного друга для удовлетворения плоти, они очень грустят. И я то знаю, что нет ничего на свете прекрасней, чем только что хорошо оттраханая баба! А о равенстве – забудь! Не было его никогда и не будет. Про блядство – молчу: от него никуда не денешься...

Душевная беседа явно заладилась... В покинутом начальством академическом заведении, под ритмичное чавканье дождя за окном она могла быть бесконечной как еще до обеда работающий космос на мониторе...

– Знаешь, я тоже замечала эту прямолинейную до обидного зависимость, – поделилась я воспоминаниями. – После хорошего секса настроение чудесное, энергию девать некуда, небо голубое и люди все замечательные вокруг! Мировая гармония в чистом виде. Хватает дня на три, а потом опять надо! Кто ж такое выдержит?

– Не соглашусь с тремя днями! Опять же из моих личных

воспоминаний: я португалку пользовал три раза на дню, пока она про свадьбу не затянула. Дальше настал полный штиль. Мужская потенция – штука еще более зависимая от всего, чем может быть, даже ваш женский оргазм! И у меня, бывало, ну не вставал! Или кончал, еще толком не начав.

Мужская манера говорить о своем члене в третьем лице меня всегда забавляла. Вот двоечник! Ушел с урока до звонка! Женщина никогда не скажет о своей гениталии: «ну она у меня вчера разошлась». Потому как женщина со всеми частями своего организма – единое целое. Налицо – критическая разница между полами по линии словоупотребления...

Гость обнял земляничную чашку двумя пальцами и, прикрыв глаза, сделал глоток. Я повторила. Во рту сделалось кисло и тоскливо...

– Ну, как тебе вино? – Спросил он, выждав, пока я как следует прочувствую угощение.

– Ну да... Разница есть... – Соврала я. Никакой разницы с похожей жидкостью, разлитой, например, на ликероводочном заводе № 8 в г. Ступино, я не ощутила, и от этого мне стало еще тоскливее.

Тупым столовским ножом я распилила пополам пирожок невыясненного содержания. Из раны выглянули родственники моих влюбленных тефтелек. Тема любви сама вываливалась отовсюду.

– А где сейчас твоя португалка? – Спросила я.

– Португалка, где не знаю... Со своими тремя детьми, наверное... да и не хочу я ее... в смысле видеть. Что другое – да. А видеть не хочу.

– Вот. Типично мужское отношение!

– Разве?

– Да нет, вообще то.... Я за собой тоже замечала такой подход к людям. Думаю, ты, давай, двигай бедрами и не отвлекайся. И вот не надо мне потом ничего рассказывать ни про девушку свою, ни про маму, ни про то, как вчера Миха упился...

– Любишь мальчиков...? – Ревниво подметил Владимир.

– Да не сказала бы. В любом возрасте есть «свое», – смягчила я, но он попал в точку. Все-таки опыт...

– А я вот совсем недавно стал понимать прелести женщин моложе меня. До этого мне нравились только старше, потому как более опытные, интересные... А как у тебя?

– А я, – единственное, в чем убедилась за долгую и счастливую половую жизнь, так это в том, что возраст, знания, умения, навыки, – все ерунда. Что-то такое должно быть, труднообъяснимое и не зависящее от возраста. Талант к сексу, что ли.... И он, как обычный талант – или есть или нет, бесполезно конспектировать камасутру.... Так мне кажется.

– Тебе не кажется! Это так и есть! Абсолютно! – Вскричал Владимир, подскочив на дерматиновом диване. – Я давно в этом просто уверен! Именно талант к этому делу, спо-

способность любить! Любить себя и противоположный пол!

Я посмотрела на линолеум с залысинами на поворотах и согласилась:

– Да...

– Слушай, Танюш! А какой кайф вот так сидеть и говорить обо всем без ханжества и ужимок, называя вещи своими именами. Ты чувствуешь?

– Чувствую....

Он озвучил мои мысли. Правда, кайф в этом был. И еще этот мутный дождь и сумерки, когда кажется, что мира за окном нет и больше никогда не будет.... Потрахаться бы сейчас, правда. Вот так, без затей, кинув трусы к ноге журнального столика с инвентарным номером.... Но нет, это было бы неправильно, мы работаем в одном здании и знаем друг друга меньше часа. И вообще... Лучше продолжить разговор.

– Так в чем прелесть женщин младше тебя? Я так понимаю, чем младше, тем прелестней? – Продолжила я.

– Ну не ревнуй, Танюш! Я же не ревную тебя к твоим мальчикам. Ты сильная женщина, и сама знаешь про себя, что лучшая. Ты любишь свое тело, любишь красивое белье и свое отражение в зеркале, любишь быть голой, и часто чувствуешь свой «перевес» в отношениях с мужчинами.

Я вздрогнула.

– Да. Все так. И как ты это узнал?

– Почувствовал сразу. Поэтому у тебя часто случаются ко-

роткие отношения и одноразовый секс, хотя ты этого совсем не хочешь. Это следствие твоего перевеса.

– А почему ты думаешь, что одноразовый секс – следствие моего перевеса? Я же стараюсь не выпячивать, знаю, что это не любят... Объясни.

– Твоя сила выражается в том, мне кажется, что ты всегда и во всем, порой себе в ущерб, но гнешь свою линию. А так как ты уникальна, то вот и получается, что твоя линия не может долго быть параллельной с чьей то другой. Ни в чем...

– Мне хочется поцеловать тебя за такое точное описание меня...

– Поцелуй...

Я сделала произвольное движение к нему, но остановилась на полпути. Внутренний голос успел выкрикнуть «Э, ты чо, мать, охренела совсем? Это ж ловушка! Стоп!». Мой внутренний голос не церемониться с выражениями. Когда я училась, он спал...

– Не буду, – ответила я с полпути.

– Испугалась?

– Нет..., – смутилась я. – Просто не хочу нарушать правила разговора без ханжества и ужимок. Расскажи лучше про свою последнюю женщину моложе. Какая она была?

Владимир улыбнулся немного снисходительно. И посмотрел мягче и словно в себя.

– Ты знаешь, я как-то вдруг понял, что моя физика, это

еще не вся моя жизнь, есть еще и бабы. И с ними временами даже интересней и кайфа больше, чем от физики. Ну, это я так, к слову. В общем, начал я погуливать в совсем уже сознательном возрасте, будучи безнадежно женатым. Может, поэтому, и не наигрался еще... Последнюю звали Наташа. Она из Питера. Работает, как и я, в науке, нашел ее на сайте знакомств, сидя в своем Лиле. Интернет – полезная вещь порой. Девка хороша. 32 года, симпатичная и даже почти не стеснялась говорить о том, что очень хочет трахаться. Всего пару дней поломалась для приличия. Оказалась, правда, не без странностей. У нее парень был, вроде жених, но не женится, я не вдавался, что у них там за проблемы. Она ему типа верность блюдет. Поэтому целовать ее нельзя, членом в нее тоже нельзя. Пришлось как в передаче «очумелые ручки»...

– И долго длилась передача?

– Пару месяцев.

– И все время вот так, в извращенной форме?

– Да. А что делать? Я не люблю настаивать. Нет, так нет. Да я и не заморачивался по этому поводу. Пальцами и языком ее кончал, а она меня всего обминетила. И сперму высасывала всю, до последней капельки... Тоже не плохо, правда?

– Мудреная тетя, наука! Руку по локоть можно, а член нельзя? Вот кто сильная женщина. Я б так не смогла. Даже завидую ей. Так легко с совестью своей договориться! И

ведь осталась с сознанием собственной непорочности... Молодец!

– Если б ты знала, как я ее уламывал ко мне приехать в первый раз! Она жила в Дуэ. Оттуда до Лилля электричка ходит. И вот я уже выхожу из Монопри, это супермаркет французский, груженный шампанским, цветами и прочей фигней, она мне присылает смс, что поезд отменили. Забастовка. А до следующего два часа. Не буду ждать, пишет. Сколько же мне пришлось приложить усилий, красноречия и научной, мать ее, логики, чтоб она все же приехала! Зато потом только и разговоров было, как было бы хорошо еще потрахаться, как хорошо со мной и как плохо без меня. Так разошлась, что поведала даже, что пока скучает, додумалась отвинчивать душевую насадку и направлять на клитор струю. Буквально за считанные секунды, говорила, кончала от этого.

«Э, да мне можно гордиться своим умищем, я додумалась откручивать насадку лет в восемь» – с превосходством подумала я.

– И что было потом? Почему прекратились такие чудные платонические отношения? – Не язви, Татьян. Тебе не идет. Потом жена приехала. Обычный конец у истории.

Я почти подпрыгнула от возмущения на диване из кожи молодого дерматина! Язвить мне не идет!? Мне!? Да я это свое украшение все сорок лет с хвостиком в себе возвращаю!

Холю, лелею и окучиваю!

– Ты считаешь, мне это не идет? – Выкатив обиду на все лицо, уточнила я.

Он взглянул примирительно.

– Обиделась. Вижу. Не надо. Пожалуйста... Я хотел сказать, что мне каждый раз не по себе становится, когда ты отпускаешь свои колкие шуточки. Вот что... Твой лексикон и оборотики уж очень кое-кого напоминают...

– Наташу? Неужели непорочная дева еще успевала язвить между минетами?

– Да нет, конечно. Наташа – это так, командировочное приключение на свою ученую жопу. Другую...

– Терпеть не могу, когда я кого-то напоминаю, и когда еще мне об этом говорят! – Окончательно обиделась я.

– Ты хочешь, чтобы я перестал быть с тобой искренним?

Он посмотрел так беззащитно, что мне сразу расхотелось обижаться.

– Нет, не хочу... Мне нравится твоя искренность. – Спасибо. Ты открываешь что-то во мне. И это сходство, опять же... Мистика....

– Так сильно похожа?

– Не внешне. Чем-то трудно объяснимым... Очень напоминаешь. Мою последнюю любовницу. Она врач, и на язык остра, как ты...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.